

Ф.А. Куракин

**Восемнадцатый век:
исторический сборник,
издаваемый по бумагам
фамильного архива**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.А. Куракин**
Восемнадцатый век: исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива: Том 1 / Ф.А. Куракин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 541 с.

ISBN 978-5-517-97091-6

ISBN 978-5-517-97091-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

военной доблести его и искусствѣ; выходцами съ Запада дорожили, стараясь при помощи ихъ знаній ослабить сосѣднія враждебныя страны. Съ другой стороны, литовская знать была представительницею для Руси тогдашняго европеизма; литовскіе выходцы являлись людьми высшей культуры и болѣе утонченныхъ нравовъ, и это обезпечивало имъ уваженіе на Руси. Наконецъ, пріѣзжій князь обыкновенно приводилъ съ собою болѣе или менѣе многочисленную дружину и приносилъ значительныя богатства, удѣляя изъ нихъ щедрые дары великому князю и боярамъ. Никто тогда не задавался мыслью, сохранялъ ли добровольный пришлецъ право отъѣзда; при отсутствіи какого бы то ни было договорнаго элемента, ему просто отводили сейчасъ же мѣсто среди московскихъ бояръ, соотвѣтственно его происхожденію и значенію на родинѣ, и онъ дѣлался слугою правительства, т. е. подданнымъ. Въ данномъ случаѣ князья литовскіе, правнуки легендарнаго героя, отвоевавшего у русскихъ великое княжество Кіевское, Волинь, Подоль и весь югъ Россіи, племянники не менѣе грознаго Ягайлы, родоначальника польскаго королевскаго дома, породнившагося впоследствии съ королями испанскими и французскими, а также и съ римскими императорами, были съ самаго начала поставлены на Руси въ особо благопріятныя условія: они достигали весьма часто боярства, а послѣ отмѣны этого званія, т. е. съ Петра I, особенно выдѣлялись въ качествѣ наследственно искусныхъ дипломатовъ; кромѣ того, находились въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями и вступали неоднократно въ родство съ царствующею династіею какъ Рюриковичей, такъ и Романовыхъ.

Многообразныя служебныя отношенія и обширныя родственныя связи побуждали ихъ вести значительную переписку, которая и сохраняется нынѣ у князя Ѳедора Алексѣевича Куракина въ количествѣ 1400 фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ 379.400 страницъ текста, или болѣе 150 тыс. разнаго рода документовъ. Свои бумаги князья Куракины не только тщательно сберегали для будущихъ поколѣній, но и облакали обыкновенно въ сафьянный, рѣже бумажный переплетъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность князя Александра Борисовича II, прозваннаго современниками „Великолѣпнымъ“. Чтобы не подвергать своей переписки нескромному любопытству переплетчика, онъ предварительно перекрешивалъ пачки бумагъ прочными нитками, концы которыхъ припечатывалъ своей гербовой пе-

чатку: это не мѣшало переплету, но прочтеніе дѣлало невозможнымъ. Не всѣ однако куракинскія бумаги переплетались: нѣсколько десятковъ тысячъ таковыхъ, по преимуществу касающіяся хозяйственныхъ дѣлъ, хранятся пока безъ переплетовъ.

До нашего времени дошли, главнымъ образомъ, бумаги нижеислѣдующихъ представителей рода князей Куракиныхъ: 1) князя Григорія Семеновича, боярина, въ отбытность царя Алексѣя Михайловича (1654 г.) правителя государства, перваго воеводы въ Казани († 1661 г.); 2) князя Ивана Григорьевича, боярина и намѣстника смоленскаго († 1682 г.); 3) князя Бориса Ивановича, полномочнаго посла въ Англіи, Ганноверѣ, Голландіи и Франціи († 1727 г.); 4) князя Александра Борисовича I, полномочнаго посла въ Парижѣ, оберъ-штабмейстера, сенатора и конференцъ-министра († 1749 г.); 5) князя Бориса Александровича, генераль-поручика, гофмейстера, сенатора, камеръ- и экономіи-коллегій президента († 1764 г.); 6) князя Александра Борисовича II, полномочнаго посла въ Вѣнѣ и Парижѣ, государственнаго вице-канцлера († 1818 г.); 7) князя Алексѣя Борисовича, генераль-прокурора, малороссійскаго генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.); 8) князя Бориса Алексѣевича, сенатора († 1850 г.).

Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ къ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина, при чемъ, что очень важно, сохранились болѣею частью и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола. Кромѣ переписки официальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, этотъ Архивъ заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ; но преобладаетъ въ немъ частная переписка, что дѣлаетъ его, можно сказать, необходимымъ для всѣхъ изслѣдователей русской жизни XVIII и первой половины XIX вѣковъ: „Архивы казенныхъ учреждений, справедливо замѣчаетъ П. И. Бартеневъ, показываютъ намъ наружную сторону, тогда какъ частные архивы знакомятъ съ душою, съ внутреннимъ я русскаго общества, знакомятъ съ мелкими проявленіями его будничной жизни“. Будучи, несомнѣнно, самымъ обширнымъ собраніемъ семейныхъ бумагъ въ Россіи, Архивъ князя Ѳедора Алексѣевича отличается еще

той интересной особенностью, что онъ сохранилъ до нашихъ дней письма и такихъ лицъ, отъ которыхъ у потомства не осталось ни одной строчки, и представляетъ въ этомъ отношеніи для всѣхъ лицъ, занимающихся своею фамильной исторіей или родословіемъ, немаловажный источникъ для справокъ. Вторая особенность Куракинскаго архива заключается въ томъ, что онъ объединилъ въ себѣ результаты умственной дѣятельности цѣлаго рода, такъ какъ послѣдній, за 500 лѣтъ своего пребыванія на Руси, развивался лишь въ одной могучей вѣтви, здравствующей и въ наши дни, а всѣ его прочіе побѣги обыкновенно хирѣли, не достигнувъ и трехъ поколѣній. Дѣйствительно, начиная отъ князя Андрея Ивановича Кураки, представителя XVIII поколѣнія отъ Владиміра Святого, и до нашихъ дней, лишь въ одномъ колѣнѣ явилось четыре продолжателя рода, въ одномъ — трое, въ пяти колѣнахъ было по два и въ шести — по одному. Такая малочисленность князей Куракиныхъ выгодно отличала ихъ отъ другихъ единородцевъ, на примѣръ, отъ крайне многочисленныхъ князей Голицыныхъ, и являлась причиною того, что въ ихъ семьѣ сохранились не только земельныя, но и документальныя богатства.

Наиболѣе драгоценнымъ отдѣломъ Архива является, безспорно, отдѣлъ бумагъ эпохи Петра Великаго, насчитывающій до сотни переплетенныхъ рукописныхъ фоліантовъ. Они относятся къ государственной дѣятельности и къ частной жизни князя Б. И. Куракина и подраздѣляются на слѣдующія группы: 1) письма и указы императора Петра Великаго; 2) дневники и протоколы посольствъ при европейскихъ дворахъ, съ 1710 по 1727 годъ, нѣчто въ родѣ древнихъ статейныхъ списковъ; въ нихъ князь Борисъ Ивановичъ съ удивительною подробностью знакомилъ потомство не только со своими дѣяніями въ качествѣ дипломата, но и описываетъ высокихъ персонъ и государственныхъ дѣятелей, съ которыми входилъ въ служебныя отношенія и въ приватное знакомство; 3) обширная корреспонденція съ разными министрами и всякими знатными особами, въ особенности, съ представителями Россіи при различныхъ дворахъ; здѣсь мы находимъ большое собраніе писемъ канцлера графа Г. И. Головкина, вице-канцлера барона Шафирова, кабинетъ-секретаря Макарова, Брюса, Бестужева-Рюмина и другихъ; тутъ же брѹльоны, или отпуски писемъ самого князя Бориса Ивановича, на которыя онъ былъ весьма плодovitъ; 4) черновые наброски различныхъ политико-дипломатическихъ записокъ,

каковыя онъ посылалъ въ министерство для доклада Императору, и собственноручныя сочиненія, преимущественно, историческаго содержанія.

Высокообразованный князь Борисъ Ивановичъ, своякъ Петра Великаго, долженъ, по справедливости, считаться основателемъ Куракинскаго архива. Находясь на чужбинѣ, онъ очень заботился о сохраненіи въ своемъ московскомъ домѣ „шкатулей“ со столбцами предковъ. Изъ числа ихъ дошли до насъ, между прочимъ, столбцы, принадлежавшіе его дѣду, боярину князю Алексѣю Никитичу Одоевскому. Мы знаемъ также, что у него были рукописныя родословцы *). Послѣ смерти Князя въ 1727 г. въ Парижѣ, всѣ его частныя бумаги и письма, равно какъ дѣла посольской канцеляріи, были немедленно запечатаны его сыномъ княземъ Александромъ Борисовичемъ **) и затѣмъ перевезены въ Россію.

Но особенно посчастливилось, въ смыслѣ пополненія фамильнаго архива, его правнуку, князю Александру Борисовичу II. Переживъ многихъ своихъ родственниковъ и друзей, онъ, послѣ ихъ смерти, обыкновенно возвращалъ отъ наслѣдниковъ свои письма. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, напримѣръ, присутствіе среди бумагъ подлинныхъ его писемъ къ графамъ Никитѣ Ивановичу и Петру Ивановичу Панинымъ, князю Н. В. Репнину, брату князю Степану Борисовичу и къ другимъ лицамъ. Кромѣ того, ему пришлось три раза въ жизни разбирать бумаги послѣ кончины Высочайшихъ Особъ, а именно, первой супруги цесаревича Павла Петровича Наталіи Алексѣевны, Екатерины Великой и самого Павла Петровича. По смерти Великой Княгини въ 1776 г., были найдены, въ числѣ другихъ, письма графа Андрея Разумовскаго ***), послужившія къ тому, что Цесаревичъ быстро утѣшился въ своей потерѣ и черезъ пять мѣсяцевъ уже женился на принцессѣ Виртембергской.

Что касается кончины Екатерины Великой, то князь Ф. Н. Голицынъ рассказываетъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., на стр. 642—643, что императоръ Павелъ Петровичъ поручилъ князю Александру Борисовичу Куракину, вмѣстѣ съ цесаревичемъ

*) Н. П. Лихачевъ. Разрядные дѣякія XVI вѣка, стр. 31.

**) Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, томъ 69, стр. 72.

***) Corberon. Un diplomate français à la Cour de Catherine II. Paris, 1901, t. I, p. 240—241, и Русская Старина 1902 г., т. 110, стр. 79.

Александромъ Павловичемъ и, кажется, гр. Растопчинымъ, распечатать кабинетъ матери и разобрать ея бумаги. Они нашли тамъ, между прочимъ, перевязанное черною ленточкою дѣло о кончинѣ Петра III и завѣщаніе Екатерины, въ которомъ она назначала своимъ наслѣдникомъ великаго князя Александра Павловича, устраняя сына. Александръ Павловичъ обратился съ нѣмымъ вопросомъ къ князю Куракину, и тотъ, также молча, указалъ ему на топившуюся печь. На другой день Павелъ Петровичъ съ безпокойствомъ спрашивалъ ихъ, не нашли ли они среди бумагъ Императрицы чего-нибудь о немъ самомъ, и на отрицательный отвѣтъ перекрестился со словами: „Ну, слава Богу“. Несомнѣнно, что въ этотъ же разъ князь Александръ Борисовичъ нашелъ знаменитыя записки Екатерины, изданныя въ послѣдствіи Герценомъ въ Лондонѣ и сдѣлавшіяся основою для всѣхъ ея біографій. Мы слышали даже, что князь Александръ Борисовичъ скрылъ сначала ихъ отъ своего царственного друга, предвидя гибельныя послѣдствія, которыя могло бы имѣть на него знакомство съ ихъ содержаніемъ, но Марія Феодоровна проговорила, и неожиданность открытія, въ нихъ заключавшагося, повліяла роковымъ образомъ на мозгъ Императора. Мы догадываемся также, какимъ путемъ они попали къ Герцену: ему передалъ ихъ эмигрантъ Тургеневъ, который ихъ вывезъ изъ Россіи: „Записки Екатерины—писалъ въ 1822 г. Дмитріеву Карамзинъ—у нашего любезнаго Тургенева; онъ хранитъ ихъ, какъ зеницу ока, и таитъ списокъ съ экземпляра куракинскаго *)“.

Къ этому же разбору бумагъ Екатерины относится засвидѣтельствованный Лубяновскимъ рассказъ князя Александра Борисовича, что въ бюро Императрицы имъ были найдены тогда двѣ тетрадки почтовой бумаги, перевязанныя накрестъ голубыми ленточками, за императорскою печатью и съ надписью: „A mon fils Paul après ma mort“. Князь поднесъ эти тетрадки Императору, и когда тотъ, крайне удивленный, сорвалъ печати и съ нетерпѣніемъ сталъ пересматривать листы одинъ за другимъ, то на одномъ изъ нихъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ и со слезами воскликнулъ: „Боже мой, какъ я несчастливъ: узнаю это только теперь“, а затѣмъ оставилъ эти бумаги у себя (Русскій Архивъ, 1872, стр. 453).

Послѣ смерти Павла Петровича князь Александръ Борисовичъ разбиралъ весь его кабинетъ, до завѣтной шкатулки

*) Письма Карамзина, изданныя Императорскою Академіею наукъ въ 1866 г., стр. 329.—Опытъ русской исторіографіи Иконникова, стр. 1132.

включительно, и, съ согласія, конечно, императора Александра Павловича, отобралъ для себя все, что нашель интереснымъ*), между прочимъ, свои письма къ покойному императору еще до вступленія послѣдняго на престолъ. Изъ нихъ, именно, мы напечатали 17 писемъ въ V—VII тт. „Архива князя Ѡ. А. Куракина“. На одномъ изъ возвращенныхъ писемъ,— изъ Надеждина, отъ 7 августа 1791, князь Александръ Борисовичъ сдѣлалъ приписку: „Cette lettre a été conservée par feu l'Empereur, et je l'ai trouvée dans Sa cassette, après son décès, quand j'ai été chargé de l'examen de Ses papiers“**). „Въ сердечной приверженности своей, говоритъ П. И. Бартеневъ, къ покойному государю, съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, позднѣе дружеству и, наконецъ, по масонству, князь Куракинъ не только сдѣлалъ описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторыя изъ нихъ“.

Въ этомъ же родѣ поступалъ князь Александръ Борисовичъ и послѣ смерти родныхъ. Когда скончалась его тетка, княжна Агриппина Александровна Куракина, то онъ писалъ своему брату, князю Алексѣю Борисовичу, 10 іюля 1792 г., изъ Павловскаго на Юловѣ (т. 127 Архива, стр. 107): „Я надѣюсь, что вы не захотите лишитъ меня того истиннаго по чувствамъ моимъ удовольствія, чтобы на вѣкъ мой остался я хранителемъ образцовъ, четокъ и молитвенныхъ книгъ покойной бабушки, и всякихъ старыхъ бумагъ и переписокъ нашихъ предковъ“. Мало того, и у постороннихъ лицъ князь Александръ Борисовичъ разыскивалъ для своего собранія рукописи, чѣмъ-либо его заинтересовавшія. Такъ, знаменитыя записки Семена Андреевича Порошина о дѣтствѣ цесаревича Павла Петровича были найдены именно имъ, много лѣтъ спустя послѣ смерти Порошина, у его брата Ивана Андреевича, тщательно имъ переписаны и сохранены для потомства. Съ этого-то списка редакція Русскаго Вѣстника печатала въ 1866 г. этотъ важнѣйшій, можно сказать,— единственный матеріалъ для исторіи отроческихъ лѣтъ Павла Петровича, получивъ его отъ воспитанника князя Александра Борисовича, барона Михаила Николаевича Сердобина. По поводу этихъ записокъ въ Архивѣ князя Ѡ. А. Куракина сохранилось письмо И. А. Порошина, отъ 12 января 1791 г., изъ усадьбы Вырыпаевки (т. 468 Архива, стр. 15): „На сихъ дняхъ увѣдомленъ я отъ зятя моего Ивана Ивановича Нечаева, что

*) Русскій Архивъ 1868 г., стр. 22.

**) Томъ 998 Архива, стр. 20.

угодно вашему сіятельству для прочтенія имѣть отъ меня веденныя дневныя записки и писанныя рукою покойнымъ братомъ моимъ Семеномъ Андреевичемъ во время бытности его при Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Цесаревичѣ, которыя, въ угодность вашего сіятельства, состоящія въ трехъ книгахъ, при семъ и препровождаю съ просьбою при томъ таковою, чтобъ, по прочтеніи оныхъ вашимъ сіятельствомъ, нынѣшнею же зимою приказано было возвратить оныя, запечатавъ, ко мнѣ обратно. Другимъ же покорнѣйше прошу не жаловать оныя для прочтенія, потому что во оныхъ есть нѣкоторые періоды такового содержанія, которые не должны быть всякому извѣстны“.

Замѣчательно также то обстоятельство, что у князя Александра Борисовича оказались бумаги, отобранныя при Екатеринѣ у Новикова *), а также собственноручная выписка его изъ дневника великой княгини Маріи Ѳеодоровны, отъ 19 и 26 мая 1781 г.,—единственныя страницы**), уцѣлѣвшія для потомства, ибо самый дневникъ былъ уничтоженъ императоромъ Николаемъ, согласно съ завѣщаніемъ Матери.

Дрожа постоянно за цѣлость собранныхъ бумагъ, князь Александръ Борисовичъ построилъ для нихъ въ своей главной вотчинѣ, въ с. Надеждинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ., среди чуднаго парка, вдали отъ другихъ построекъ, особое красивое зданіе ***), назвавъ его „Храмъ истины“. Но въ это время часть бумагъ находилась и въ Петербургѣ, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго его приказа петербургскому управляющему Карташову, отъ 9 мая 1790 г. (т. 985 Архива, стр. 120): „При семъ отдаю тебѣ на сбереженіе въ моей кладовой съ тѣмъ, чтобъ оныхъ никуда не отпускалъ и никому не отдавалъ безъ моего словеснаго или письменнаго, за моимъ собственноручнымъ подписаніемъ, повелѣнія, 5 сундуковъ съ моими старыми бумагами, времени моего пребыванія въ 1770 г. въ Лейденскомъ университетѣ, рогожами обшитые и съ приложенною печатью моею“. Когда въ 1793 г., князь Алексѣй Борисовичъ, по порученію брата, отдѣлывалъ его петербургскій домъ, то не забылъ отвести для Архива особую комнату и по этому поводу писалъ ему: „Выгода отъ сей передѣлки весьма великая для васъ бу-

*) Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, стр. 1134.

**) Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, стр. 146.

***) Живописная Россія 1901 г., № 46.

детъ, и хранилище вашихъ бумагъ, особливо потаенная дверь, вамъ, конечно, полюбуется“ *).

Вообще князь Александръ Борисовичъ являлся истиннымъ организаторомъ фамилнаго Архива, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго приказа его, отъ 24 января 1816 г., изъ Петербурга, управляющему Надеждинской вотчинной конторой Харченкѣ (т. 913 Архива, стр. 34): „Симъ предписываю конторѣ немедленно заняться разобраніемъ по числамъ и мѣсяцамъ, и годамъ всѣхъ приказовъ моихъ, предписаній моей домовой канцеляріи, сообщеній прочихъ конторъ моихъ, и вообще, всѣ бумаги, которыя собраны погодно, отдать въ переплеть и хранить въ Архивѣ; равнымъ образомъ, всѣ отпуски въ конторахъ, донесенія и вѣдомости должны также разобраны быть, переплетены и отданы потомъ для храненія въ Архивъ. По истеченіи каждаго года, контора не оставитъ сама собою уже, вслѣдствіе сего приказанія моего, съ точностью порядокъ сей наблюдать. О полученіи же сего мнѣ донестъ“. Когда исполненіе этого распоряженія почему-то замедлилось, то князь Александръ Борисовичъ писалъ 19 мая 1816 г., изъ Павловскаго, тому же Харченкѣ (т. 913 Архива, стр. 248): „Александровская контора доноситъ мнѣ, что хранящіяся въ Архивѣ прошлыхъ лѣтъ бумаги всѣ по годамъ разобраны и переплетены, но какъ, напротивъ, ты и по сіе время сего еще не исполнилъ, и конторскія бумаги не приведены въ должный порядокъ, симъ настоятельно подтверждаю, чтобъ всѣ бумаги по годамъ были разобраны и, какъ слѣдуетъ, переплетены, и ты мнѣ донестъ объ исполненіи“.

Но кромѣ Архива собственно князя Александра Борисовича, состоявшаго изъ его частной переписки и бумагъ, дѣловыхъ и хозяйственныхъ, въ родѣ князей Куракиныхъ съ давнихъ поръ, чуть ли не съ появленія перваго литовскаго князя на Москвѣ, существовало общее семейное древлехранилище. Оно помѣщалось въ XVI вѣкѣ въ ихъ кремлевскихъ хоромахъ, у Боровицкихъ воротъ, на мѣстѣ нынѣшняго дворца, въ XVII вѣкѣ—въ новомъ ихъ домѣ на Лубянкѣ, рядомъ съ церковью Гребенской Божіей Матери, а съ 1730 г.—при „шпиталѣ“, т.-е. Страннопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ у Красныхъ воротъ. Въ этомъ-то Архивѣ хранились всѣ фамилные столбцы, письма, жалованныя грамоты и духовныя завѣщанія князей Куракиныхъ,

*) См. стр. 173 настоящей книги.

начиная съ изустной памяти 1500 г. боярина князя Ивана Юрьевича, внука князя Патрикія литовскаго и двоюроднаго брата Іоанна III. Такъ какъ „шпитальная канцелярія“ являлась и главной конторой по управленію обширными куракинскими имѣніями, то въ нее стекались изъ разныхъ мѣстъ донесенія приказчиковъ и управляющихъ, иногда весьма интересныя въ бытовомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, Петербургскій археологическій институтъ, пріобрѣта случайно 220 томовъ такихъ бумагъ съ 1759 г., придавалъ имъ особое значеніе и содержаніе ихъ тотчасъ сдѣлалъ предметомъ занятій своихъ слушателей*), а когда директоръ его А. Н. Труворовъ перепродалъ эту часть Архива единственному законному владѣльцу ея князю Ѳодору Алексѣевичу Куракину, то продажа эта сопровождалась всевозможными сожалѣніями и упреками**). Эта, сравнительно, маловажная часть куракинскихъ бумагъ подвергалась тщательной описи и внимательному изслѣдованію; даже приходорасходныя вѣдомости, веденныя выборными крестьянскими властями, признавались полезнымъ матеріаломъ для обрисовки быта сельской общины XVIII вѣка и служили предметомъ монографій. Такъ, на основаніи ихъ Н. П. Ильинскій въ Запискахъ Императорскаго русскаго археологическаго общества 1886 г. помѣстилъ изслѣдованіе о древней земельной мѣрѣ „мордкѣ“, обозначавшей нѣкогда часть крестьянскаго тягла и сохранявшейся въ народной памяти, какъ единица денежной цѣнности.

Заключая въ себѣ бумаги цѣлаго рода, такое семейное древлехранилище служило связующимъ звеномъ между всѣми его членами, и даже княжны Куракины, мѣняя свою фамилію при выходѣ замужъ и прилѣпляясь къ интересамъ мужниной родни и своего семейства, все-таки не оставляли привычки отсылать важнѣйшія бумаги свои въ фамильную „Архиву“. Выдача бумагъ была обставлена большими формальностями, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія Петра Гавренева князю Александру

*) Сборникъ Археологическаго института, книга V, выпускъ II, стр. 1—15, Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Институтомъ, книга I, стр. 93, а также Опытъ русской исторіографіи профессора Иконникова, т. I, стр. 1054, 1130—1135 и стр. 278—280 дополненій.

**) См., напримѣръ, записку дѣйствительнаго члена Археологическаго института А. Львова: „Нуженъ ли Археологическій институтъ въ С.-Петербурѣ, и какой именно?“ Фамильныя бумаги князей Куракиныхъ называются въ ней самою лучшею и дорогою частью институтскаго Архива.

Бор. Куракину изъ Москвы, отъ 10 мая 1809 г. (т. 171 Архива, стр. 41): «Что-жъ принадлежитъ до крѣпостей и доказательствъ на дачи Городищинской вашего сѣятельства вотчины, то оныя были возвращены изъ заводской конторы и въ то же время обратно отданы по принадлежности въ шпитальную Архиву къ надзирателю ея г. Красовскому; полученіе же оныхъ крѣпостей отъ заводской конторы, равно и отдачу оныхъ г. Красовскому, канцелярія показала въ журнальной выпискѣ прошлаго 1808 года декабря подъ 20-мъ числомъ».

По временамъ Архивъ приводился въ порядокъ, составлялись описи его, производилось нѣчто въ родѣ ревизіи. 19 апрѣля 1795 г., князь Александръ Борисовичъ предписалъ, напри- мѣръ, начальнику московской домовою и шпитальной канцеляріи Михайлѣ Иванову нижеслѣдующее (т. 394 Архива, стр. 104): „Для должнаго храненія и лучшаго приведенія въ порядокъ, возлагаю на тебя по московскому домовому Архиву, какія есть предковъ моихъ старинныя бумаги, письма, жалованныя грамоты, крѣпости, выписи, съ рѣшенныхъ дѣлъ копій, подъ соблюденіемъ твоимъ въ порядокъ привести и, сдѣлавъ имъ достаточные реэстры, ко мнѣ сюды прислать“. Князь Александръ Борисовичъ заботился о судьбѣ даже отдѣльных документовъ. Такъ, въ іюнѣ 1795 г. онъ писалъ тому же Михайлѣ Иванову (т. 394 Архива, стр. 115): „Удивляюсь, что ты молчишь о подлинныхъ межевомъ планѣ и межевыхъ книгахъ на земли моихъ валуйскихъ слободъ и о старыхъ подлинныхъ крѣпостяхъ на Полатовскія земли, которыя я къ тебѣ съ казакомъ моимъ Бервененковымъ послалъ для подобающаго храненія ихъ *навсегда* въ Архивѣ нашей домовою и шпитальной канцеляріи. Скажи мнѣ, хотя одно слово о нихъ, какъ то изъ моего приказа подобало“. Когда этотъ управитель Страннопріимнаго дома проворовался, и на его мѣсто былъ назначенъ упомянутый выше Красовскій, то, какъ видно изъ донесенія московской канцеляріи князю Александру Борисовичу, отъ 5 октября 1807 г., новый управитель, прежде всего, приступилъ „къ принятію дѣлъ по Архивѣ“ (т. 555 Архива, стр. 72).

Въ 1812 г. зданія, принадлежащія Страннопріимному дому князей Куракиныхъ, были заняты эскадрономъ французскихъ драгунъ и подверглись разграбленію; надзиратель Красовскій сбѣжалъ въ Казань и вернулся лишь черезъ семь мѣсяцевъ по выступленіи непріятели изъ столицы; духовенство Николо-Куракинской церкви находилось у французовъ въ услуженіи,